

10. Тот же тезис доказывается и в брошюрке Верия Ш в ай гер а «Триесте — Трст», но лишь с одной точки зрения, с транспортно-экономической. Автор на основании цифр показывает, что включение Триеста в состав Югославии обеспечивает ему экономическое преуспеяние, тогда как, напротив, интернационализация города привела бы к его упадку и обеднению.

11. Последняя книжка — «Югославское меньшинство за границей» д-ра Тригорского — стоит несколько особняком, так как издана раньше (1938), но она посвящена той же проблеме. В книге приводятся краткие, но полезные сведения — географические, исторические, статистические — о югославском населении в Италии, а кроме того в Германии (Австрии), в Венгрии, в Румынии, в Греции, в Албании и в Турции. Приложенная небольшая этническая карта Юлийской Краины (стр. 15), к сожалению, не очень точна.

Вся эта серия книг по проблеме Юлийской Краины представляет собой хотя неравноценный, но в общем весьма полезный материал, на основании которого можно составить себе ясное представление о существе разногласий и убедиться в правоте дела, за которое борется славянское население Юлийской Краины.

С. А. Токарев

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Х. Вакарелски. *Насоки за събиране етнографски материали*. София, 1945, 16.

Рецензируемая брошюра представляет собой краткое наставление сотрудникам Этнографического музея в Софии при их полевой работе. Не являясь обычного типа программой, наставление это содержит ряд полезных для всякого этнографа указаний. Всю область культуры автор делит на «вещественную», «словесную» и «общественную». Словесная культура, по определению автора, включает все проявления устного творчества народа. Говоря о собирании и изучении народных песен, автор подразделяет их на праздничные, трудовые, обрядовые и хороводные. Выделяет автор юнацкие песни, а среди них — юнацкие песни времен борьбы с Турцией, четнические песни периода македонского революционного движения и партизанские песни периода второй мировой войны. Особое внимание обращает автор на изучение народной магии, характерные черты которой проявляются в народной медицине, клятвах, заклинаниях, благопожеланиях. В области общественной культуры автор выделяет группу правовых и моральных отношений в семье: между родителями и детьми, братьями и сестрами, супругами, пожилыми членами семьи. Из поля зрения автора выпадает, однако, комплекс отношений между более отдаленными родственниками по мужской и женской линии. Говоря о морально-правовых межсоседских отношениях автор останавливается на отношениях при совместном пользовании землей и угодьями, на обычаях общинного управления, частных правах и привилегиях. Указывая на необходимость исследования отношений между отдельными членами, автор обращает внимание на тщательное изучение границ владений, характера и причин вражды между селами. К области общественной культуры Х. Вакарельский относит также совокупность обрядно-магических процедур, бытующих в семье (обычай при рождении, при первой самостоятельной работе, при вступлении в брак, обряды, сопровождающие смерть и погребение), народные религиозные обычаи общинного характера, как то: курбан, молебны о дожде, календарные обряды, обычаи и обряды, сопровождающие начало и завершение хозяйственных работ. Третий раздел своего руководства автор посвящает материальной («вещественной») культуре.

В заключение автор обращает внимание начинающего исследователя народного быта на обязательность точной записи собираемого материала, указание времени и места сбора материала, характеристики лица, давшего сведения; при собирании обрядов и обычаев следует не ограничиваться простым описанием их, но приводить и их народное осмысление.

И. Прокопович

Hutton Webster. *Taboo. A sociological study*. Stanford University, California, 1942, 378.

Труд американского исследователя Хэттон Вебстера — объемистая монография, посвященная одному из самых значительных и сложных явлений первобытной культуры — табу. Вебстер — автор ряда работ по вопросам ранних социальных отношений, обычного права и религии (первая вышла в 1908 г.). Автор не ограничивается рассмотрением табу в этнографическом, историческом и психологическом аспектах, а поставил своей целью «показать, какое значительное место занимает табу в культурной эволюции человечества». Дав определение термина и изложив его историю в науке, автор прослеживает табуации в отдельных жизненных комплексах первобытного общества: в области сексуальных отношений, болезни и смерти, отношений к необычному, к чужеземцам, к священным лицам и вещам; две последние главы описывают табу

в экономическом и социальном аспектах. Указав на первые упоминания о табу в описании путешествия капитанов Кука и Кинга (1784), автор приводит первую подробную характеристику этого явления в полинезийской культуре, данную миссионером Эллисом в 1831 г. Остановившись далее на освещении проблемы табу Фрезера, автор исходит из его постановки вопроса и намечает дальнейший путь исследования. В общем, труд Вебстера можно считать продолжением работ Фрезера с привлечением нового этнографического материала. Вебстер собрал и систематизировал огромное количество фактов разного рода запретов, распространенных по всей эйкумене. Хотя автор оговаривается, что не претендует на исчерпывающее описание табу, и что для этого нужна целая энциклопедия, можно признать его книгу началом такого труда. Но задача, которую ставит себе автор, — исследование и определение роли и значения табу в истории человечества, вряд ли может считаться решенной.

Автор определяет табу как «запрещение», нарушение которого автоматически вызывает в нарушителе состояние ритуальной неполноценности — «болезнь табу», избавление от которой, если оно вообще возможно, достигается только церемонией очищения». Это определение носит формальный характер и ничего не дает в смысле анализа этого явления. Стремясь уточнить понятие табу, автор указывает, что «табу не должны смешиваться с анимистическими запретами, накладываемыми многими ранними законодателями и включенными, при упорядочении, в кодекс морали и религии, которые дошли до нас с древности». Хотя наименование запретов «анимистическими» вряд ли можно считать удачным, с автором можно согласиться, что табу, как социально-исторический феномен, имеет свой процесс развития и проходит ряд стадий. Наиболее ранняя стадия его правильно охарактеризована автором, как такая, при которой наказание за нарушение табу следует непосредственно. Хотя считают, что наказывают духи или боги, но, по словам автора, «их гнев против нарушителя возникает автоматически, и их нельзя умолять, молить или жертвовать». Такое понятие табу соответствует ранней стадии религиозного сознания, когда превалирует магический культ, когда не выкристаллизовались еще представления о духах и божествах, направляющих судьбы людей. Однако совершенно выделять запреты, вошедшие в позднейшие кодексы, нельзя. В главе о социальном аспекте табу автор сам показывает, как примитивные табуации трансформируются в нормы обычного права, этики и морали, становятся законами и заповедями. Автор ограничивает свое определение табу и с другой стороны: он считает, что нельзя называть табуациями многочисленные «симпатические запреты», т. е. запреты, основанные на законах симпатической магии: воздержание от мяса лани из боязни стать робким, как лань, стремление есть мясо лобарда, чтобы заимствовать его свирепость, и т. п. Но такого рода запреты составляют значительную часть явлений, обычно именуемых табуациями, и поэтому вряд ли можно их исключать.

Ограничив круг вопросов, связанных с табу, автор подходит к определению природы этого явления. Прежде всего, он рассматривает его с точки зрения психологической. «В своем психологическом аспекте, — пишет автор, — табу может быть определено как представление о мистической опасности отдельных предметов, имеющей следствием принуждения и запреты, центр тяжести которых не в объекте запрещенного, а в самом факте запрета». Автор считает, что сущность табу — в страхе нарушения запрета. Страх, по словам автора, проходит здесь целую гамму, причем выражение его амбивалентно, оно включает как благоговение, так и ужас и отвращение. Последняя мысль давно уже была высказана Дюркгеймом в его определении понятия сакрального, и развитие ее у Вебстера не представляет интереса. Но что порождает самое чувство страха? Автор указывает, что страхи первобытных людей — «продукт живого воображения и бездонного невежества». Автор пытается обрисовать процесс возникновения табуаций из чувства страха и выводит их из инстинктов самосохранения, из опыта, показывающего вредность их нарушения. Однако результаты этого процесса двойственны: «Если предметы, действия и положения, покрываемые запретами, действительно пагубны, тогда эти запреты удовлетворяют тому, что мы называем здравым смыслом. Они полезны. Если запреты связаны с тем, что не является в действительности вредным, они для нас — суеверия». Однако, как известно, большинство табу как раз не имеют утилитарного характера и не отвечают так называемому здравому смыслу. Задача исследователя в том и состоит, чтобы объяснить происхождение этих суеверий и предрассудков. Но в отношении последних автор лишь констатирует, что «у дикаря... причины для них всегда существовали, если даже дикарь сам не может теперь дать отчет в них, и цивилизованный исследователь не может проникнуть в эмоции и мысли, на которых они были когда-то основаны». Автор тоже не делает и попытки такого проникновения и заканчивает ход своих мыслей меланхолическим вопросом: «Кто может истолковать фантазии, странности и детские домыслы примитивного мышления»? Развивая далее мысль о страхе нарушения запрета как основе табу, автор снова указывает, что дальнейшее исследование сможет быть продолжено лишь в будущем, когда мы узнаем больше о первобытном мышлении, «что может быть достигнуто при изучении детского мышления народного мышления и подсознательного мышления, как при психоанализе». Подводя итоги в конце труда, автор не приходит ни к чему большему и заканчивает книгу

словами: «Все эти суеверия отражают невежество человека, его незнание окружающего, природы или того, что мы называем сверхъестественным. Они коренятся в страхе перед неизвестным и непознаваемым».

Не освещен автором и момент, так сказать, механики действия табу. Вебстер вывел за пределы этого явления законы симпатической магии, описанные Фрезером, но не ввел ни понятия сопричастия, обоснованного Леви-Брюлем, ни какого-либо иного. Поэтому самую механику осквернения и его следствий он даже не делает попытки объяснить. А главное, в свое определение табу автор не включает представления о санкции со стороны сверхъестественных сил, которое неотъемлемо от этого явления.

Само понятие сверхъестественного, уже достаточно основательно разработанное и зарубежными, и советскими учеными, лишь называется единственным раз в самых последних строчках книги и в сущности совершенно игнорируется в работе, посвященной фактору религиозной жизни. Еще более важным недостатком является то, что автор не связывает табу с общественными отношениями. Хотя две последние главы посвящены экономическому и социальному аспектам этого явления, однако факты сгруппированы здесь по признаку их формальной принадлежности к этим сферам, и внутренняя обусловленность ни в коей мере не доказана. Например, такие факты, как табу на частную собственность, отнесены к разделу экономики. Описывая табу на вождей, царей и жрецов, автор не вскрывает социальных сил, представителями которых они являются.

Совершенно не выявлена роль табу, как отражения начавшейся имущественной и социальной дифференциации первобытной общины, как один из фокусов сакрализации зарождающегося государства.

Вряд ли можно считать задачу, поставленную перед собой автором, разрешенной в научном отношении. Но свою точку зрения на роль табу в истории автор выразил достаточно четко. Описывая формы табуаций, касающихся сакрализованных правителей, Вебстер восклицает: «Насколько труднее было бы управлять диким и непокорным народом без почитания, питаемого представлениями о табу!» Автор приводит многочисленные высказывания миссионеров о «морализирующем», «воспитательном» значении табуаций для туземцев колоний и их предложения поддерживать эту систему запретов, как весьма полезную для той части человечества, «которой недоступен глубокий смысл заповедей, как выражений идеалов». Правда, многие запреты бессмысленны и бесполезны, признает автор, но «с другой стороны, брачные связи охраняются, частная и общественная собственность защищается, и уважение к установленной власти укрепляется благодаря табу». Доктор философии и профессор социологии Хэттон Вебстер примирительно закрывает глаза на дикие суеверия во имя «воспитательной» роли системы табу, так как она может быть использована как один из методов закрепления власти над «неполноценными» народами. Тем самым защищается мракобесная расовая теория.

В целом, рецензируемая монография представляет некоторую ценность с точки зрения собранного в ней материала, но ее нельзя признать стоящей на уровне современной науки.

Б. Шаревская

Annali Lateranensi, Pubblicazione del Pontificio Museo Missionario Etnologico, vol. IV, Citta del Vaticano, 1940, 407.

Четвертый выпуск «Латеранских анналов» — начавшего в 1937 г. выходить ежегодника, издаваемого папским Миссионерским этнологическим музеем, первым директором которого был патер В. Шмидт (предшествующие выпуски у нас не получены). Из напечатанных здесь на различных языках статей некоторый интерес представляют: описание находящегося в Музее собрания произведений немецкого скульптора первой половины XIX в. Фердинанда Петриха, работавшего в Америке, представляющих разнообразное изображение североамериканских индейцев; описание там же находящейся этнографической коллекции с о. Бугенвиль; запись (на немецком языке) 50 образцов фольклора австралийцев и описание одного из экспонатов Музея — распятия, курьезной деревянной скульптуры, исполненной христианизированным новогвинейцем, изображившим Христа в виде распятого туземца.

М. К.

НАРОДЫ СССР

Фольклор Вітчизняної війни. Під редакцією академіка Ф. Колесси. Матеріал, зібраний в західних областях УРСР Львівській, Дрогобицькій, Станіславській, Тернопільській фольклорною секцією Львівського обласного Будинку народної творчості. Збірники: т.т. В. Лавриненко, У. Люклян, А. Мацкевич, С. Товарицька. Упорядкувала: А. Н. Мацкевич. Літредактор П. Козлянюк. Львівській обласний будинок народної творчості, 1945, 64.

В этом небольшом сборнике, содержащем преимущественно песни, — восемь тематических разделов, дающих представление о тематике фольклора последних лет в